

ЦВЕТАЕВА Анастасия Ивановна [27(14).9.1894, Москва — 5.9.1993, там же] — дочь *И.В. Цветаева*, младшая сестра *М.И. Цветаевой*, писательница. Провела 10 лет в лагере на Дальнем Востоке (1937–1947) и семь лет в ссылке. По воспоминаниям В. Ионаса, из русской религиозной философии XX в. Ц. особенно выделяла Р.: «К именам *Бердяева* и *Розанова* она относилась с большим уважением, особенно к *Розанову*, с которым была знакома лично» (Ионас В. А. Цветаева. Встречи. Переписка // Грани. 2001. № 199. С. 117). Считая Р. духовно-родственной личностью, Ц. называла его в числе «душевно-близких» людей (Из письма Л.В. Успенскому // Цветаева А. О слове, стихах и поэтах. М., 2000). В письме к Д.С. Лихачеву от 8 ноября 1990 Ц. признавалась, что «дружила» с Р. «в мои 19–24 года» (ВРХД. 2004. № 2. С. 186). Об этом свидетельствовал и друг Ц., поэт-импровизатор Б.М. Зубакин: «Анастасия Ивановна была близким другом В. Розанова — последние годы его жизни» (Цит. по: Николюкин А.Н. Розанов. М., 2001. С. 308; *Архив А.М. Горького*. КГ-п. 85–5–1). В розановском творчестве Ц. ценила прежде всего «*Уединенное*» и «*Опавшие листья*» (Из письма Л.В. Успенскому // Цветаева А. О слове, стихах и поэтах. М., 2000). В «Уединенном», прочитанном Ц. в Феодосии, ее поразила духовное родство с Р.: «Кто дал мне эту удивительную книгу? В моих руках — дневник старика — “Уединенное”. Читаю, точно свое. Так знакомо!..» (Цветаева А.И. Воспоминания. М., 1995. С. 549). *Радостью* открытия «неведомого от века родного человека» Ц. поделилась со старшей сестрой Мариной (там же). «Потрясенная» «Уединенным», Ц. написала автору письмо, с которого началась их переписка. Первое письмо от 27–28 февраля 1914 Ц., скрывая свое известное происхождение, подписала фамилией по мужу (А.И. Трухачёва). В этом письме она цитировала записи «Уединенного», в котором ей оказалось особенно близко розановское предпочтение созерцательной жизни личности перед жизнью общественной: «Невозможно прочесть “Уединенное” — и спрятать в шкаф. Я потрясена этой Вашей книгой. Вы занимаетесь общественной деятельностью, о ней говорят. Но здесь ее нет; Вы сидите у окна, и смотрите на закат вечера, и слушаете вечерний звон. Вот это-то мне в Вас нужно: больше ничего. Звук вентилятора в коридоре, папираса на похоронах, и то, что “можно убить от негодования, а можно... и бесконечно задуматься...”. У общественных деятелей общественная жизнь — выше частной. Но вот есть деятель, который сидит у окна и слушает вечерний звон. В нем-то и есть весь смысл. “Просто сидеть на стуле и смотреть вдаль”» (Цит. по: Николюкин А.Н. Розанов. С. 307). «Уединенное» стало для Ц. «родной» книгой, в которой она не чувствовала никакой возрастной разницы, потому что Р. пишет «о том, что вне возраста» (Цветаева А.И. Воспоминания. С. 550): «Я чувствую в 19 лет так же глубоко, как Вы чувствуете — в 60. Вот весь смысл моего письма <...> Меня трогает не то, как Вы пишете, я читаю слова, ко-

торые Вы говорите: народам, никому, всем, себе. На них я отвечаю. Я узнаю, что человек на 40 лет старше меня, слушая шум вентилятора, чувствует *смерть*. Глядит вдаль и знает, что это — общее *религии*. Пишет, что ненавидит все, что разделяет людей» (Цит. по: Николукин А.Н. Розанов. С. 307–308). Спустя десятилетия вспоминая о прочтении «Уединенного», Ц. в «Воспоминаниях» цитирует другие поразившие ее *мысли* Р.: о непредсказуемости, текучести мыслей (У, 23), о «вечной и невольной *музыке в душе*» как «секрете *писательства*» (У, 28), о нежелании Р. «известности» (У, 69) (Цветаева А.И. Воспоминания. С. 549). После «Уединенного» Ц. прочла первый короб «Опавших листьев», о чем упоминает М.И. Цветаева в письме к Р. от 8 апреля 1914: «Опавшие листья» купили обе. Как хорошо, что фотографии! И карточки свои пришлем» (Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 6. С. 126). Позже Ц. признавалась, что «Уединенное» «концентрированное» «Опавших листьев» (Цветаева А.И. Воспоминания. С. 703.). Сразу же откликнувшись на письмо незнакомой девушки из Феодосии, Р. благодарил Ц. за проникновенное понимание «Уединенного», признал ее духовно-родной личностью и пожелал семейного счастья: «Спасибо, милая и добрая Настя, за письмо, которое не могло не взволновать меня как человека, как писателя. Я решил “загасить свечку” *литературы*, и поговорить “в темноте ночи” просто как человек. И ты, милая и умная 19-ти лет, все поняла. Спасибо тебе, родная, и дай *Бог* тебе счастья. Не будь капризушкой и “гордецой” и выслушай простую истину 60-летнего: счастье *девушки* — все в замужестве» (Архив А.М. Горького. 54336. ПТЛ 14–13–2). К словам Р. о замужестве Ц. сделала пометку на письме о том, что к этому *времени* она «была уже разведена» (там же). М.И. Цветаева в письме к Р. от 7 марта 1914 писала о его «словах Асе о замужестве» (Цветаева М.И. Собр. соч.: Т. 6. С. 120). Вслед первому письму Р. послал второе, в котором продолжал удивляться ее, несмотря на юный возраст, глубокому пониманию «Уединенного», непонятного критиками: «Как хорошо все, что вы пишете, какой глубокий *тон*. А ведь “Тон”, — как — музыка. То, “чего сказать не могу и не умею” и что “главное” <...> Вы — до самой глубины поняли все в Уед., как я хотел бы себя сказать — как себя чувствую и понимаю. Удивительно: а ведь сколько о нем писали: “циник”, “Розанов — циник” <...>, “Смердяков” <...> девушка в 19 л. все поняла» (Архив А.М. Горького. 54261. ПТЛ 14–13–3). Позже Ц. так вспоминала ответное письмо Р.: «Настя, — писал он, сделав мне чужое уменьшительное из “Анастасии Ивановны Трухачевой”, — как ты? Что ты пережила? Откуда такой глубокий тон в 19 лет?..” И взволнованные текли с его пера повелительно в слова — чернила, рождая каракули откровенья и *дружбы*, удивления и интереса, беспорядочного рассказа о себе и вспышки вопросов — мое безмерное, без названья, счастье в ответ» (Цветаева А.И. Воспоминания. С. 550). Из мыслей Ц., которые Р. называл «психологически верными», ему оказалась близка мысль «о сходстве *старости* и юности»: «Моя всегдашняя мысль: В 35 л. — вовсе не интересно <...> С юности я любил говорить со стариками, со старухами. Интереснейший тип <...> И в свои 35 лет я играл с *детьми*, уважал *гимназистов* и *гимназисток*, и почему-то никогда не уважал профессоров,

журналистов и общественных деятелей» (Архив А.М. Горького. 54261. ПТЛ 14–13–3). Чувствуя в жизни Ц. «страшное и м.б. тайное несчастье», Р. наставлял ее в христианском духе: «Тогда, голубушка, терпите, несите крест» (там же). Узнав о замужестве Ц., Р. удивился этому: «Вы *женщина*, а не девушка? <...> А я Вас принял за “кончившую курс гимназистку”» (там же). По возрасту девятнадцатилетняя Ц. была почти ровесницей дочерям Р., поэтому желая ей семейного счастья, он делился с ней заботой о будущем замужестве своих дочерей (там же). Ответное письмо Р. вызвало в Ц. взлет творческого вдохновения: «Я счастлива, как только может человек на земле быть счастлив. И другого счастья — не надо! Не хочу *любви*! Спаянности с одним, терема! Ни с кем! Со всеми! Вдохновенные дружбы, переключка *чувств*, мыслей... *Свобода*! И писать и писать...» (Цветаева А.И. Воспоминания. С. 551). М.И. Цветаева в письме к Р. от 7 марта 1914 назвала ответное письмо Р. к Ц. «чудным, настоящим — “как надо!”» (Цветаева М.И. Собр. соч.: Т. 6. С. 119). После того как М.И. Цветаева в письме от 7 марта 1914 открыла Р., что они — дочери *И.В. Цветаева* (там же, 121), он «радостно сообщил, что он вправе считать себя учеником папы, что слышал курс его лекций и никогда не забудет его ни как профессора, ни как человека», и это «еще более сроднило» их: «Он обещал мне прислать свои книги и ждал нашей встречи — я обещала, что осенью, перед задуманным отъездом в Париж, приеду в *Петербург*. Он писал о своей усталости, старости, загруженности литературным *трудом*, о том, что везет воз большой *семьи*, дивясь раннему опыту жизни во мне, но не сомневался во мне, верил и, находя между нами много соответствий, считал меня родным человеком» (Цветаева А.И. Воспоминания. С. 551). Позже Ц. вспоминала, что «возмутилась» одним из писем Р. к ней: «И смердяковщина была в нем» (Виктор (Мамонтов), архим. *Языком сердца* // ВРХД. 2004. № 2. С. 212). Личное их знакомство состоялось в 1914 в Петрограде, когда она приехала к Р.: «Молниеносное, вне воли — глаза в душу — наблюдение: выше, чем думалось, среднего роста, ждала меньше, суше. Лоб — вроде папиного. Голова полуголая, как у папы. Те же узенькие золотые очки на старых глазах... Но глаза?! Нет, глаза совсем не похожи. Слаще, но вместо папиного спокойного, почти радостного благожелательства — и у папы шире глядят — уже, острее и хитрее, что ли?? И в этой неизбежной ему “хитрости” — тоска, и уже побарывают смущение, и уже источают *ласку* — какие путанные, какие исстрадавшиеся глаза!» (Цветаева А.И. Воспоминания. С. 584). Ультраромантической Ц. атмосфера розановского *дома* показалась мещанской: «О, как, как ненавижу мещанство “семейного счастья”, как хочется прочь, с ним, из дома, в туман...» (Там же, 585). Но на следующий день Ц. признала это обвинение несправедливым и дешевым жестом: «За что? За любовь, в ней живущую? За заботу всех обо всех и о нем? За прокаленную преданность жены его, матери его детей?» (Там же, 588–589). Вторая петроградская встреча Ц. с Р., их длительная беседа произошла вечером, в редакции «*Нового Времени*»: «Он слушает мой рассказ о моей будущей книге, я ее перепису, пришлю, и он не прерывает поток моего утверждающегося отчаяния, что нет *Бога*, мое полное отвержение веры. Все знакомо ему. Понятно.

И корни видны. Он не ополчается на мой протест против его веры, не спорит. Он берет мои руки и смотрит в глаза, и его усталый, живучий, старый и молодой, дряблый и закипающий голос говорит мне о том, какие еще перемены меня ждут...» (там же, 589). Третья встреча Ц. с Р. состоялась снова вечером, в редакции, где Ц. рассказала «вкратце Маринину и свою жизнь»: «Он попробовал меня убедить, что счастье женщины — в семье, в любимом мужчине... Не захотела слушать! Я, может быть, мало женщина? Хватит мне, не хочу! — Ты прочти мое *“Люди лунного света”* — понравится. — И еще мне: — Нет, ты — не бархат, ты — шелк. Шелестящий шелк. В тебе есть тончайшая сталь — твой лунный свет!» (Там же, 589–590). Размышляя о своем предпочтении *«мира нечеловеков»*, М.И. Цветаева вспоминала розановские слова, сказанные Ц.: «Это как Розанов, однажды Асе: — Ты же понимаешь, что кроме Людей Лунного света — нет никого (нет ничего стоящего)» (Цветаева М., Пастернак Б. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 гг. М., 2004. С. 560). После длительного разговора Р. показал Ц. дом Ф.М. Достоевского в Кузнечном переулке, при этом Р. напомнил Ц. живого Достоевского: «А он похож — чем-то — на Федора Михайловича <...> Бредовая уверенность: я иду с Достоевским!» (Цветаева А.И. Воспоминания. С. 589–590). К этому же времени относится полемика Ц. с Р. по еврейскому вопросу — ответ Ц. на «изуверско-вдохновенно-обличительную тираду» Р. привела М.И. Цветаева: «— Василий Васильевич! На свете есть только один такой еврей. (Розанов, бровями) — ? — Это — Вы» (Собр. соч. Т. 5. С. 119). Встреча с Р. стала для Ц. поворотным событием в ее духовной жизни, в ее движении к Богу. Прочитав первую книгу Ц. «о небытии Божьем» («Королевские размышления». М., 1915), в которой она «пыталась воспринять Бога разумом, а не сердцем», Р. прислал ей «свой старческий дневник “Уединенное”» с надписью: «Да, ты кончишь в монастыре... Я знаю теперь это совершенно определенно — по тому пылу, с каким ты отвергаешь Бога...» (Гильманов Е. Три звонка // Архив А.И. Цветаевой). Эти розановские слова о ее духовном пути Ц. оценила позже как пророческие (Цветаева А. Кристаллы чувств и размышлений. М., 2000). Ц. признавала, что свою книгу «Дым, дым и дым» (М., 1916) написала «под влиянием» Р. (Смирнов М.О. Последний луч Серебряного века (о стихах, писателях и другом...) // Архив А.И. Цветаевой). Эпиграфом к ней Ц. взяла запись из второго короба «Опавших листьев» — «Холодок на сердце. Знаете ли вы его? (в печали)» (У, 310). Позже, в письме Д.С. Лихачеву от 12 ноября 1990, она понимала этот «холодок» в христианском духе как грех: «Не думая тогда о том, что за этот наш “холодок” столпник становится на столп, и молчит молчальник. За праздность слов!» (ВРХД. 2004. № 2. С. 188). Л. Андреев на цветаевские высказывания о нем в «Королевских размышлениях» и «Дыме, дыме и дыме» «ответил в печати уничтожающей рецензией о “розановщине, облеченной в кимоно”» (Цветаева А.И. Воспоминания. С. 703). Эту рецензию Р., «смеясь», прислал Ц. в 1916 с припиской: «Не огорчайся. Но такова наша литература» (там же). О новой поездке к Р. напомнила Ц. сестра Марина: «— Ты поедешь к Розанову? Я понимаю, когда откормишь Алешу. Поезжай непременно...» (Там же, 609). И спустя «два с половиной года»

с первой поездки Ц. едет в 1917 к Р. в Петроград второй раз, так как «выбрала» его в крестные отцы сына Алеши (1916–1917): «Встречаемся как родные. В его кабинете беседа нескончаема. Его умиленное лицо, старческая гордость, что к нему, шестидесятидвухлетнему, приехала я, двадцати трех лет! Революция, война, его старость и юность моя — все смешалось <...> Бродили, говорили о всех переменах в стране. Тогда возлагали большие надежды на Временное правительство — может быть, накормят страну?» (Там же, 610, 611). По воспоминаниям Ц., Р. ощущал себя с ней вновь молодым, она стала «весной в его старости» (Там же, 589, 610). Ц. чувствовала себя «товарищем и спутником» Р. (Там же, 610). Они сфотографировались «на память» (там же). Р. хотел подарить Ц. («для твоего ума») свою первую философскую книгу *“О понимании”*, но ему не удалось найти ее у букинистов (Там же, 611). Р. заботливо проводил Ц. на вокзал, «трогательно, как отец, поручает меня кондуктору, поясняя, что “не от мира сего” и чтобы меня никто не обидел» (Там же). Во время этих встреч, «в 1914–1917 годах» Р. «очень советовал, хвалил» Ц. книгу «Из дневника Амиеля» (Пер. с фр. М.Л. Толстой. Предисл. Л.Н. Толстого. Изд. 2-е. М.: Посредник, 1908), которая попала ей только в 1974 и произвела на нее сильное впечатление: «И сроднясь с Амиэлем, простила с ним <...> Я хочу дать перепечатать ее, хранить машинопись <...> буду снова жить на его стр<ани>цах — и он оживать со мной» (Васильев Г.К., Никитина Г.Я. Стихотворение А. Цветаевой «80 лет»: Текстологический анализ // Филологический дискурс. Тюмень, 2004. Вып. 4. С. 166). В третьем, ставшем последним письме к Ц., полученном ею летом 1917 (Смирнов М.О. Последний луч Серебряного века // Архив А.И. Цветаевой), Р. делился с ней тяжелым положением, в котором он оказался: «Друг дорогой! Да — тяжело. Моего — ничего не печатают, а след. и денег “нема”. Что делать — не понимаю. “Вы — не политик, а потому и пишете без души и понимания”, говорят редакторы. Это — так, но ведь могу же я столько ненавидеть? “Это — не к моменту” говорят. Конечно, “не к моменту”. И я не знаю, что делать <...> “петь” и “платить за квартиру”» (Архив А.М. Горького. 54260. ПТЛ 14–13–1). В письме Р. соотносил революцию с образом Федьки Каторжника из «Бесов» Достоевского (там же). В это время Р. читал книгу Ц. «Дым, дым и дым»: «Часто думаю о тебе. Прочел ½ “Дымков” сплошь» (там же). На последнем розановском письме рукой Ц. сделана пометка «материал для романа». Это была книга Ц., написанная о Р. в 1914–1917 и ставшая итогом их переписки и личных встреч. Ц. вспоминала, что она написала ее «уже в 1914 году», «когда общалась с ним» (Смирнов М.О. Последний луч Серебряного века // Архив А.И. Цветаевой). По словам Ц., эта книга давала «его живым со всеми его сложностями, как и следующая моя книга о Горьком»: «Он шел как по экрану. Восхитившись ею, он сказал: “Сколько вздору обо мне писали: Розанов — циник, Розанов — то, другое <...>, а ты в 19 лет подошла и все поняла. Этой книгой ты утрешь нос всем непонявшим» (Из рукописи «Воспоминаний» // Архив А.И. Цветаевой); Ц. «читала свою книгу Розанову и он говорил: “Я себя в ней вижу, как в зеркале, как ты могла так меня познать?!”» (Смирнов М.О. Последний луч Серебряного

века // Архив А.И. Цветаевой). Но летом 1917, после смерти второго мужа М.А. Минца и сына Алеши в порыве отчаяния Ц. уничтожила дневники за пять лет и многое другое, в том числе и книгу о Р. По воспоминаниям Б.М. Зубакина, Ц. с Р. «вместе написали книгу, но А.И. сожгла ее в порыве отчаяния» (цит. по: Николюкин А.Н. Розанов. С. 308; Архив А.М. Горького. КГ-п. 29–6–9). По словам М.О. Смирнова, эту книгу Ц. «уничтожила еще при жизни своего второго сына Алеши Минца»: «О мотивах уничтожения книги говорила глухо: “Вызов судьбе”(?)» (Смирнов М.О. Последний луч Серебряного века // Архив А.И. Цветаевой). Спустя десятилетия Ц. сожалела об этом: «продолжала с оттенком горечи: — Эта книга была бы известна. Ее не удалось сразу сжечь на спиртовке и я решила ее утопить...» (там же). В 1927 в письме к М. Горькому Ц. признавалась, что, любя Р. за *стиль* и «за тонкость и глубину мысли», она не терпит его за «одержимость *полом*, за дикости о евреях»: «Стыдила его за безобразную книжку о деле *Бейлиса*» (Цветаева А.И. Воспоминания. С. 691–692); «Я так люблю его, кроме <...> антисемитизма и теории пола» (Смирнов М.О. Последний луч Серебряного века // Архив А.И. Цветаевой). В период увлечения личностью и *творчеством* Горького у Ц. произошла некоторая переоценка Р.: «Жалею его за — да как раз за то, чего в нем не хватало. Вас! Широты и покоя, тревоги (Вашей широты, Вашей тревоги). Он не писал так о *луне*, как Вы — а о ней надо было писать именно так, — хоть раз написать всю ее бытность над землей — правду о бедности и *холоде* ее — в бешенство дифирамбов <...> Розанов путался в отношении к евреям, а я их таинственно и с тоской за судьбу их, сплошным восхищением люблю. Он не так любил людей — мощно и грустно, как Вы, он гениально занимался порой пустяками, и хоть не хочу его предать, но, ведь, я столько спорила с ним: была неверующей, он меня раздражал верой. Теперь было бы обратно, — раздражал бы — сомнениями. И было мне с ним, с его истерической широтой — чуть-чуть узко, точно не на тех веслах шла лодка. Розанов — зол» (Там же, 692). Прочитав очерк М. Горького «*Лев Толстой*», Ц. отметила, что Л.Н. Толстой «чем-то роднится» с Р.: «Точно сквозь вас всех протянута нить — *гений*, что ли?» (Там же, 704). Возможно, это связано с горьковскими воспоминаниями в этом очерке о том, что Толстой говорил «очень языческие вещи, совпадая кое в чем с В.В. Розановым» (Горький М. Лев Толстой // Горький М. Очерки и воспоминания. М., 1983. С. 54). Ц. полемизировала с розановским восприятием в статье «Памяти Ив.Влад. Цветаева» (1913), ее отца, который для Р. «олицетворял собою русскую пассивность, русскую медленность, русскую неподвижность» (СХ, 413): «Тут Вас<илий> Вас<ильевич> для красного словца приврал. Папа был бодрый, ходил быстро, никогда не тащился. За 8 л<ет> до смерти, 59 лет, обгонял нас в беге. Смерть мамы (1906 г.) и подлог *Шварца* сделали его стариком. † 67 лет от гр<удной> жабы в 1913 г. За два дня до смерти звал меня с мал<еньким> сыном Андреем (его крестником) в *Италию*, где хотел писать “мой последн<ий> труд об архитектуре др<евне>-римских храмов”...» (М. Цветаева. Каталог юбилейной выставки / Автор-сост. Л. Мнухин. М., 1992. С. 142–143). Отзвук этой полемики звучит и в воспоминаниях, записанных

М.О. Смирновым: «Анастасия Ивановна считает, что свою наружность Розанов списал с ее отца — Ивана Владимировича Цветаева: “Как если бы он стоял перед *зеркалом* — нечеткая речь, мешковатый... И ничего папа не был мешковатым (в голосе сквозит обида) — когда бегали наперегонки в *Германии*, он в 56 лет обгонял Марину!”» (Смирнов М.О. Последний луч Серебряного века // Архив А.И. Цветаевой). К 1960–1970 относится важнейшее высказывание Ц. о Р.: «Розанов — покаянный тип. Умный, чувствует слово <...> Какая-то мыслительная машина» (Виктор (Мамонтов), архим. Языком сердца // ВРХД. 2004. № 2. С. 212). Мысль о розановском покаянии близка восприятию «Опавших листьев» Г.П. Федотовым: «Как поднимется рука судить того, кто сам так беспощадно казнит себя? Кто стоит перед Богом и перед миром с содранной им *кожей*, чтобы больше было жить? (ПРО, 2, 393). Одно из последних цветаевских упоминаний Р. — в письме к Д.С. Лихачеву от 8 ноября 1990: Ц. сообщает, что ей прочтут (из-за плохого зрения) «книгу В.В. Розанова (недавнюю)» (ВРХД. 2004. № 2. С. 186). Возможно, имелась в виду книга: Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. Ц. вспоминала «о несчастной судьбе» детей Р.: «Большоголовый, как отец, Вася — умер совсем молодым; одна дочь покончила с собой; другая умерла на крыше поезда; еще одна дочь прожила до глубокой старости и я с ней встречаюсь...» (Смирнов М.О. Последний луч Серебряного века // Архив А.И. Цветаевой). Речь идет о жившей в Загорске *Т.В. Розановой*, которую Ц. встречала у *С.А. Цветкова* (там же). Глубокое переживание Ц. «Уединенного», переписка и встречи с Р. отразились в ее художественном творчестве: произведения Ц. тяготеют к форме *эссе*. Ц. близка *любовь* Р. к *документальности*, к письмам. Особенно явно подражание «опавшим листьям» Р. проступают в прозе Ц. «Что попало» (1993) и «Старческий дневник» (1992–1993).

А.А. Медведев